

ОЛЬГА ЧЕРНЕНЬКОВА

ВОИН И ДЕВА

*Мир Николая Гумилева
и Анны Ахматовой*

Ольга Черненькова

Воин и дева. Мир Николая Гумилева и Анны Ахматовой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35236121

Воин и дева. Мир Николая Гумилева и Анны Ахматовой: Альпина нон-фикшн; Москва; 2018

ISBN 978-5-9167-1132-5

Аннотация

Книга Ольги Черненьковой рассказывает о жизни двух величайших поэтов Серебряного века – Анне Ахматовой и Николае Гумилеве. Вы узнаете о сложной истории их взаимоотношений, которая развивалась на фоне происходившей в стране драмы. Два поэта, две личности, соединившиеся в браке, – случай уникальный. Они говорят на одном языке, они понимают и чувствуют друг друга, эта связь превыше всего земного и обыденного. Но трагедия расставания неизбежна. Воин и дева, как назвала их в своем стихотворении Анна Ахматова, не смогут ужиться вместе, не сумеют справиться с ревностью, оправдать ожидания друг друга. Автор детально описывает удивительные судьбы двух выдающихся русских поэтов, литературный мир Петербурга и события того беспокойного времени.

Содержание

Знакомство	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ольга Черненкова Воин и дева. Мир Николая Гумилева и Анны Ахматовой

Редактор Маргарита Савина

Руководитель проекта А. Шувалова

Корректоры Е. Чудинова, С. Чупахина

Компьютерная верстка М. Поташкин

Художественное оформление и макет Ю. Буга

В оформлении книги использованы фото East News

© Черненкова О., 2018

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого элек-

тронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Посвящается Сергею Ивановичу Кормилову и
Кириллу Петровичу Черненкову*

Знакомство

Он не мог не заметить ее раньше, еще до того, как они встретились у Гостиного Двора и Валя Тюльпанова познакомил их. Аня была не то чтобы хороша, а скорее необычна в свои четырнадцать лет, о чем свидетельствуют и снимки того времени. Модная inferнальность черт привлекала. Черные густые волосы при белой коже лица, большие задумчивые серые глаза, которые порой становились зелеными, что еще более укрепляло сходство с русалкой или ундиной, как Николай назовет ее в стихах. А знаменитый в будущем ахматовский профиль пока еще смягчался нежной девичьей округлостью черт и был всего лишь носом с горбинкой. Высокая, стройная, по-змеиному гибкая.

До исторической встречи пути их могли пересекаться не раз. Царское Село не такое уж большое. И конечно, зоркий глаз юного поэта непременно выхватывал ее из толпы гимназисток, когда Гумилев дежурил у Мариинской гимназии в надежде пригласить хорошенькую барышню старших классов на прогулку. Знакомые девушки посмеивались над его манерами: он слегка картавил, нетвердо выговаривая «л» и «р», и произносил нараспев:

– Пойдемте в парк, погуляем, поболтаем.

Однако прогуляться не отказывались: они знали, что будет интересно. Ученик Николаевской гимназии Коля Гуми-

лев знал наизусть пропасть стихов и читал их завораживающе. Но не только стихами очаровывал он барышень. Рассказами о таинственных экзотических странах, о морских путешествиях и открытиях, о пиратах и великих завоевателях новых земель. Он держался несколько чопорно и надменно, зато выглядел франтом и умел рыцарственно ухаживать.

Красив ли он был в ту пору? Скорее нет. Высокий, худощавый, с удлинённым лицом, крупным носом, четко очерченными толстоватыми губами и чуть косящими серо-голубыми глазами. Однако была в нем некоторая элегантность. Он носил мундир на белой подкладке, что считалось высшим шиком. Был странен, не похож ни на кого. А еще красивы были руки, что женщины часто ценят в мужчине более, чем что-либо другое. Все, кто описывал его внешность, непременно упоминали об этих аристократических руках.

Итак, 24 декабря 1903 года, канун Рождества. Ей четырнадцать, ему семнадцать. Аня Горенко с подругой Валею и ее младшим братом Сережей направлялись в Гостиный Двор, чтобы выбрать там украшения для елки. Солнечный морозный день, предвкушение любимого праздника с сияющей огнями елкой. И город в этот день казался особенно нарядным.

У Гостиного Двора маленькое общество столкнулось со знакомыми Вали – братьями Гумилевыми, Митей и Колей. У них с Валею была общая учительница музыки – Елизавета Михайловна Баженова. Теперь Митя учился в Морском кадетском корпусе, а младший, Коля, – в седьмом классе Ни-

колаевской гимназии.

Валерия представила братьев подруге. Перемолвившись несколькими фразами, они направились в праздничные ряды Гостиного Двора. Там, куда ни глянь, всюду россыпи елочных игрушек: восковые ангелы, картонные куколки, ватные клоуны, вифлеемские шестиконечные звезды, золоченые орешки, шоколадные фигурки. Молодежь ходила по рядам, выбирая то, что нравилось больше всего. Митя беседовал с Валею, Коля – с Аней, Сережа плелся за ними. Николай стремился завладеть вниманием юной барышни.

Ему было чем блеснуть. Поэзия – его стихия. А еще летом Гумилев начал читать Ницше, и это перевернуло все его представления. Ницше в ту пору воистину был властителем дум молодежи. Многие идеи и образы немецкого философа нашли воплощение в стихах Николая. Он вернулся из Тифлиса, где семья жила некоторое время из-за брата Дмитрия, поэтом: дебютировал там в газете «Тифлисский листок».

Аня тоже писала стихи, только мало кто об этом знал. Много читавшая, Аня прекрасно знала поэзию французских символистов. Ее трудно было удивить. И новому знакомству, казалось, тогда она не придавала значения.

Братья проводили подруг до дома на углу Широкой улицы и Безымянного переулка, где девочки жили по-соседски, на том и расстались.

Аню не заинтересовала встреча, но Николай не собирался отступать. Знакомство давало ему возможность пригласить

шать девочку на каток, где часто бывал сам, провожать ее после гимназии. На катке Аня не каталась, только смотрела, как плавно скользят по расчищенному льду пары и одиночки, среди которых был и Коля Гумилев.

Подруги частенько посмеивались над ним исподтишка. Гумилев казался им старомодным в своем ухаживании. Он был всего лишь гимназистом, знакомым мальчиком. То ли дело гвардейцы или студенты, дающие уроки детям царских селов. Они были из взрослого мира, красивые, опытные, повесы...

При всяком удобном случае подруги избавлялись от ненужного сопровождения. Нарочно начинали декламировать немецкие стихи, прекрасно зная, что Гумилев терпеть не может немецкого языка. Он стоически сносил их выходки.

Девочки, Аня и Валя, знакомы были с детства. Их семьи жили два лета по соседству на дачах в Гунгербурге, модном курорте недалеко от Нарвы. Дети играли на площадке около курзала под присмотром гувернанток. Обе тогда уже довольно бегло говорили по-французски и по-немецки.

Настоящая дружба возникла, когда они поселились в одном доме в Царском Селе. Это был дом Шухардиной близ вокзала. Горенко разместились наверху, Тюльпановы – внизу. При доме был большой пышный сад, где дети обоих семейств гуляли весь день в полной безопасности. Девочки учились вместе в Мариинской гимназии. Они сохраняют эту дружбу на всю жизнь, Валерия останется едва ли не един-

ственной задушевной «конфиденткой» Ахматовой до преклонных лет.

Коля

Рыцарь, эстет и аристократ духа, Николай Гумилев происходил из семьи судового врача Степана Яковлевича Гумилева и Анны Ивановны, урожденной Львовой. С одной стороны – белое духовенство, традицию которого первым нарушил Степан Яковлевич, выбрав медицинский факультет Московского университета. (Право потомственного дворянства даст ему и его детям орден Святого Станислава второй степени, полученный в 1883 г.) С другой, материнской, стороны – обедневший дворянский род Львовых. Брат Анны Ивановны адмирал Львов крестил Колю. В семье также были Милюковы, что давало повод говорить о происхождении рода от князя Милюка.

Однако существует еще более романтическая легенда, связанная с происхождением фамилии Гумилевых. В переводе с латыни *humilis* – смиренный, а еще есть слово *humus*, что означает «грязь», «перегной». Рассказывалось, что существовала побочная, тверская ветвь Рюриковичей, которые попали в опалу в период становления Московской Руси. За непокорность они лишились родовой фамилии и вынуждены

были принять прозвище, говорящее об униженности, усмирении. С тех пор потомки Рюриковичей, ставшие Гумилевыми, из поколения в поколение должны были избирать духовную стезю.

Конечно, это всего лишь легенда, но почему бы не пофантазировать на эту тему, ведь Гумилев всем своим творчеством и жизнью только подкреплял ее интригующую часть.

Николай Степанович Гумилев родился 3 (15) апреля 1886 года в Кронштадте, где служил его отец. Ночь была бурная, и нянька предрекла будущему поэту бурную жизнь. Уйдя в отставку, Степан Яковлевич выбрал для постоянного проживания Царское Село, куда семья и переехала через год после рождения Николая.

Степан Яковлевич был женат вторым браком. От первого брака осталась дочь Александра Степановна, в замужестве Сверчкова, сводная сестра Николая, она же и его крестная мать. Сестра Зинаида умерла в младенчестве, брат Дмитрий был старше Коли на два года.

Итак, в Царском Селе семья поселилась в приобретенном С. Я. Гумилевым деревянном двухэтажном доме с флигелями и садом. Порядок в доме установлен был по вкусу родителей. Семейные трапезы в одно и то же время, чтение Святого Писания, размеренная, разумная жизнь. Анна Ивановна была хорошей хозяйкой и прекрасным воспитателем своих детей. Николая в доме все обожали, а он был очень привязан к матери. Что говорить, детство у поэта было золотое, он

хранил память о нем, как о самом светлом и добром времени, как свою первую любимую книжку – сказки Андерсена.

Жили Гумилевы и в Петербурге, где Николай учился в гимназии Гуревича. На лето детей вывозили за город. Сначала на дачу в Поповку под Петербургом, потом, когда купили имение Березки в Рязанской губернии, стали выезжать туда. Там, на воле, разворачивались мальчишеские игры в пиратов, ковбоев, индейцев, в которых верховодил Коля Гумилев. Он много читал, сначала приключенческую литературу, потом и стихи – Пушкина, Лермонтова, Жуковского. Заставлял товарищей их читать. Любил животных, в его комнате жили морские свинки, белые мыши, птицы.

Коля родился болезненным ребенком, но с детства выучился преодолевать недуги. Позже не подписывался в рецептах, считая болезнь недостойным, постыдным для мужчины состоянием.

В четвертом классе гимназии увлекся О. Уайльдом, его Дорианом Греем. Стал плохо учиться, конфликтовать с преподавателями, прогуливать уроки, игнорировать домашние задания. Занялся своей внешностью, придавая ей особое значение. Страдал от своей некрасивости и много времени проводил перед зеркалом, гипнотизируя себя, чтобы стать красавцем. Однако в зеркале отражалось длинное лицо с косящими глазами, большим мясистым носом и толстыми губами. Надо было обладать поистине вольным воображением, чтобы увидеть в этом лице классическую красоту. «Серый

лебеденок» еще не скоро превратится в «лебедя надменно-го».

У брата Дмитрия обнаружили туберкулез, и семья, распродав обстановку питерского дома и дачу в Поповке, переезжает сначала в кумысолечебницу Подстепановку под Самарой, а в конце августа 1900 года на Кавказ.

В Тифлисе Гумилевы провели больше двух лет. Мальчики учились в гимназии, на лето выезжали в Березки. Там летом 1902 года Гумилев устроил марксистскую агитацию среди мельников. Этим, впрочем, и ограничилась его революционная деятельность. Увлечение ницшеанством оказалось куда более серьезным, что не удивительно. Кто в ту пору на Руси не считал себя сверхчеловеком?

А в сентябре 1902 года Николай впервые выступил в печати со стихотворением «Я в лес бежал из городов». Как ему удалось опубликоваться в газете «Тифлисский листок», которая стихов фактически не печатала, остается загадкой до сих пор. Проба пера состоялась, и он гордился этим. Ему было шестнадцать лет.

В Царское Село Гумилев вернулся поэтом. Рукописный альбом стихов, уезжая из Тифлиса, он подарил своей юной приятельнице Машеньке Маркс.

Нет, не зря Гумилев носил имя Николай, означающее «победитель народов». Стремление побеждать «моря и девушек, врагов и слово» станет его жизненным принципом. Вдохновленный ницшеанским сверхчеловеком, Гуми-

лев всю жизнь творил из себя героя, неустанно работая над собой. «Нужно идти по линии наибольшего сопротивления. Это мое правило. Если приучить себя к этому, ничто не будет страшно», – говорил он позже. Ему приходилось преодолевать многое и в себе, и окружающем мире.

Рассказы отца о морских путешествиях, книги и карты, окружающие юного поэта, пробудили в нем романтическую жажду приключений, мечты о море и неведомых странах, жажду странствий. И очень рано у него сформировалось представление о настоящем мужчине, который должен воплотиться в трех жизненных ипостасях: воин, путешественник, поэт. Конечно, всегда отдавалось предпочтение поэзии, которая в представлении Гумилева была неразрывно связана с любовью. Но и других два воплощения были не менее важны для создания «идеала совершенной мужественности» (О. Мандельштам). Исходя из этого идеала, Гумилев и будет строить свою жизнь.

В августе 1903 года Гумилевы вернулись в Царское Село, сняли квартиру в доме Полубояриновой на Средней улице. Колю зачислили в седьмой класс Николаевской гимназии, директором которой был Иннокентий Федорович Анненский. Дмитрий пошел в восьмой класс этой же гимназии.

Ко времени знакомства с Аней Горенко Коля Гумилев франтил напропалую. В журнале, издаваемом гимназистами, однажды была помещена карикатура на Гумилева. Он стоял, прихорашиваясь, перед зеркалом, тесно затянутый в мун-

дирчик, в брюках со штрипками и остроносых лакированных ботинках. «Вокруг него шли слухи, гудела молва. Говорили о его дурном поведении, его странных стихах и странных вкусах», – вспоминал Н. Н. Пунин. Одноклассники называли его *bizarre*, что значит «странный». Словом, Гумилев сознательно выделялся из толпы своей непохожестью, оригинальностью облика и поведения. Он чувствовал себя поэтом, и это звание давало ему право быть не как все, право презирать непосвященных. Так он прятал свою внутреннюю неуверенность, уязвимость и одиночество.

Аня

В семье Горенко, верно, тоже существовали свои легенды, но бабу по матери, происходившую от последнего золотоордынского хана Ахмата, потомка Чингисхана, Анна придумала сама. Род симбирских дворян Ахматовых, к которому принадлежала прабабушка Анны Андреевны, не был княжеским. Однако поэт Ахматова не раз назовет себя чингизидкой, а поэтический псевдоним закрепится за ней и станет фамилией.

Родилась Анна Андреевна Горенко 11 (23) июня 1889 года в дачной местности Большой Фонтан под Одессой. Отец ее, Андрей Антонович Горенко, – капитан 2-го ранга, инже-

нер-механик флота. По семейной легенде, отец был наполовину грек, однако опять же нет этому подтверждения. Бабушка Анны по отцу, Ирина Ивановна Воронина, явно не была гречанкой. Греческая кровь все же, возможно, текла в жилах Андрея Антоновича, отсюда и горбоносый профиль Анны. Однако все родственники-греки также мифологизированы, как и татарская бабушка-чингизидка. Отец Анны Андреевны, красавец-черноморец, сделал блестящую карьеру: он поднялся по служебной лестнице до преподавателя Морского училища в Петербурге. Карьера пошла под уклон после убийства Александра II. После 1 марта 1881 года всех проверяли на благонадежность, а сестры Андрея Антоновича оказались замешаны в деятельности «Народной воли».

8

Гумилев в старших классах гимназии

Да и мать Анны – Инна Эразмовна, урожденная Стогова – была близка к террористической организации. Ничто же сумняшеся, она отдала на нужды террористов, готовивших покушение на царя, 2200 рублей, оставленных ей умершим в 1880 году отцом. Овдовев в первом браке, «женщина с прозрачными глазами» (которые Анна унаследовала от нее) приехала из Киева в Петербург, чтобы учиться на Бестужевских курсах. Отец ее, жандармский офицер, был преданным защитником престола. Он состоял в родстве с поэтессой XIX века Анной Петровной Буниной, породнившей Анну Ахматову с И. А. Буниным. Инна Эразмовна воспитывалась в предельной строгости, может, поэтому ее увлекли революция и передовые идеи. До конца своих дней она одевалась, как революционерка: в темную юбку и светлую блузку.

Андрей Антонович Горенко оставил морскую службу в 1887 году и поселился с семьей в Одессе. Через год семья переехала в столицу, обосновавшись сначала в Павловске, а потом уж в Царском Селе. Аня выросла в Царском Селе, именно этот город стал ее поэтической родиной.

Выходит, оба поэта родились у моря, их отцы были мореплавателями. Воображение обоих поэтов питалось морской стихией. Судьба в младенчестве привела их в Город Муз, где они и встретились. Вот уже несколько, пусть пока еще косвенных, точек соприкосновения этих великих судеб.

Однако, в отличие от Гумилевых, многодетная семья Го-

ренко жила далеко не упорядоченной жизнью. «И никакого розового детства», – напишет потом Анна Ахматова. Да, ее детство не назовешь счастливым. У Анны было два брата и три сестры. Инна Эразмовна оказалась никудышной, слишком мягкой, доброй и бестолковой хозяйкой. Соседи называли ее Инной Несуразмовной. В доме творился хаос. Гувернантки постоянно менялись, никакого твердого распорядка не было, брак родителей трещал по швам, они часто ссорились, отец кричал. И смерть уносила детей, больных туберкулезом. Рика умерла в возрасте четырех лет, и две другие сестры, Инна и Ия, ушли совсем молодыми. Семейный недуг коснулся и Анны. Потом она говорила, что болезнь щитовидки спасла ее от туберкулеза. И верила: ее спасла новгородская икона Богородицы «Целительница», подаренная ей Гумилевым.

Когда Ане было пятнадцать, они с мамой ехали мимо того места, где она родилась. Инна Эразмовна предложила сойти и посмотреть дачу Саракани, на которой родилась Аня и которую она еще не видела. У входа девица заявила:

– Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска.

Мама огорчилась:

– Боже, как плохо я тебя воспитала.

Это было не тщеславие, объясняла позже Анна Андреевна. Но и не «глупая шутка», как она определила свой поступок. Ведь памятный бронзовый барельеф с портретом действительно появится в 1989 году, к столетию Анны Ахматов-

вой, и надпись на нем будет гласить: «Здесь в глубине аллеи находился дом, где родилась Анна Андреевна Ахматова (Горенко) – русский поэт. 1889–1989».

Должно быть, самонадеянная девица знала, о чем говорила. Пророческий дар она ощутила очень рано, и вмешательство неких сил в свою судьбу ощущала с детства. Интересничала, скажут. Однако некая инфернальность, безусловно, была присуща Анне и неподвластна ей самой. Вещие сны, сомнамбулизм, умение находить воду под землей, предсказания, роковая роль, которую она играла в жизни близких ей людей («Я гибель накликала милым»), – лишь некоторые внешние проявления того, что бродило в ее душе.

Итак, Царское Село. Знаковое место, малая родина, которая питает своими соками творческого человека. Образ белого царскосельского лебедя из стихов Жуковского, тень отрока Пушкина на аллеях лицейского парка, память о гусаках, среди которых витийствовал юный Чаадаев, и много, много всего... Соседство аристократизма и мещанства, царского двора и обывательского мирка, из которого скоро выделятся две незаурядности и будут раздражать царскосельский бомонд.

И ей нянька пророчила:

– Эта перец будет!

Еще совсем крохой, не более трех лет от роду, Аня нашла в Царском Саду булавку в виде лиры. И бонна сказала ей:

– Это значит, ты будешь поэтом.

Будучи гимназисткой, Анна высматривала на улице Ариадну Тыркову, которую ее отец Андрей Антонович называл Ариадной Великолепной. Ей ужасно нравилось это слово. Она тогда же решила, что когда-нибудь тоже станет «великолепной».

В десять лет Анна перенесла «таинственный недуг», предположительно оспу, сопровождающуюся временной глухотой. После этого и начала писать стихи. С семи до тринадцати лет Аня проводила лето на даче Тура под Севастополем. Там проходило ее «языческое детство», там она поражала обывателей южного городка, плавая как русалка, там пережила свою первую любовь. «Но как это было!» – вспоминала много позже Ахматова. Она три года ждала в Херсонесе от него письма. Три года по жаре за несколько верст ходила на почту, и письма так и не получила. Загадочная любовь «диной» тринадцатилетней девочки найдет потом отражение в поэме Ахматовой «У самого моря».

В 1902 году отец пишет прошение о зачислении Ани в Смольный институт благородных девиц. Ее взяли в пятый класс, соответствующий четвертому классу гимназии. Однако недолго Аня была смолянкой: через месяц ее забрали домой. Атмосфера строгого казенного учебного заведения была противопоказана ей. «Дикая девочка» определенно страдала в неволе. Родителям пришлось забрать ее из института под предлогом лунатизма: ночью во сне она бродила по коридорам, и однажды ее нашли в домовомой церкви на полу в

бессознательном состоянии. Анна отправилась домой, а родителям вернули неизрасходованную часть денег.

Когда Аня была совсем маленькой, она часто спала при ярком лунном свете. Бабушка беспокоилась, не будет ли от этого вреда. Ее успокаивали: какой же может быть вред. А луна стала действовать на ребенка. До четырнадцати лет Аня страдала лунатизмом: вставала во сне и шла на лунный свет. Отец отыскивал ее и приносил домой на руках. Она долго потом вспоминала запах сигары, и луна ассоциировалась у Анны с этим запахом.

В восемь лет Аня читала Тургенева, а в тринадцать «знала уже по-французски и Бодлера, и Верлена, и всех проклятых». В их доме читали только Некрасова, поэзия была не в моде у прогрессивных людей, считалась несерьезной. Начав писать в одиннадцать лет, Анна предусмотрительно уничтожила потом все детские стихи. У нее будет возможность по-своему распорядиться своим наследием, исправить огрехи, подчистить, скрыть несовершенные строки. А после публикации записных книжек и дневников А. Блока она даже черновики станет писать карандашом и безжалостно стирать резинкой неудавшиеся строки. Не многим поэтам была дана такая роскошь.

Они были родные по духу, Гумилев и Ахматова, только Николай понял это много раньше Анны. В ответ тем, кто не видит этого родства, можно предъявить для начала поверхностные факты. Героев книги объединяло Царское Село, ко-

торое стало для них малой родиной. Юность их прошла в единении и борьбе, в тесном и постоянном контакте. Оба будущих поэта оказались второгодниками во время учебы в гимназии. Морская стихия влекла необоримо их обоих, рожденных у моря. Но главное, конечно, – это Поэзия, служение ей, понимание своего призвания и смысла жизни.

Да, они говорили на одном языке, такие родные, такие самодостаточные. Их духовная связь, сложившаяся, конечно, не сразу, не зависела от земных обстоятельств. Но все это в будущем, а пока они юны и только узнают друг друга.

Русалка

Дом Горенко не был открытым, попасть к ним было не так-то просто. Оставались только встречи на улице, возле гимназии, прогулки по Царскому в обществе подруги да еще катание на коньках в городском парке по пятницам. До весны было всего десять встреч. Николаю еще ни разу не пришлось побывать у Ани дома. Да и Аня не бывала у Гумилевых.

В январе 1904 года началась Русско-японская война. В семье Горенко следили за военными событиями, тяжело переживали потери и поражения русского флота. А восемнадцатилетний (без малого) Гумилев собрался ехать добровольцем на фронт. Родные с большим трудом отговорили его.

Очевидно, Николай пожалел мать, остался.

На Пасху 1904 года, 28 марта, Гумилевы давали бал. Аня была приглашена с подружкой Вале́й. Это было ее первое появление в доме Гумилевых. И единственное на ту пору. Позже она переступит порог этого дома уже в роли невесты, но до этого еще далеко. Не был ли этот бал устроен по настоянию Николая, любимого сына Анны Ивановны? Ведь это реальная возможность представить Аню родным, ввести ее в дом, познакомиться.

Помимо подруг на балу присутствовала учительница музыки Мария Владимировна Баженова, которая невольно оказалась связующим звеном (через Валерию Тюльпанову) между Колей Гумилевым и Аней Горенко.

Ане все непривычно в доме Гумилевых. Здесь царит семейный уют, все признаки крепкого, разумного устройства быта, чего она лишена в своем доме. И конечно, атмосфера православного праздника, связанного с главным чудом Евангелия, не могла не тронуть гостью. Для Николая ее присутствие на торжестве было само собой разумеющимся. Ведь Анне в его жизни уже отведено важное место, которое, кажется, не сможет занять никто.

После этого бала начались их регулярные встречи. Они вместе ходили на вечера, которые устраивались в царско-сельской ратуше. Были на выступлении Айседоры Дункан, гастролировавшей в России. Той самой Дункан, которая произвела революцию в классическом балете, которая тан-

цевала в прозрачных туниках и босиком. «Гениальной босоножкой» называли ее тогда. Студенческий вечер в Артиллерийском собрании, благотворительный спектакль в клубе на Широкой улице – на всех заметных культурных мероприятиях Царского Села они были вместе. Посещали даже спиритические сеансы у Бернса Мейера, хотя относились к ним весьма иронически.

В стихах Гумилева, в «Осенней песне», впервые появляется портрет девы Луны (так он назвал юную Аню, ведь есть еще и дева Солнца – Марианна Полякова).

Кто объяснит нам, почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленье?

И улыбаются уста
Зачем загадочно и зыбко?
И страстно требует мечта,
Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар?
Зачем в очах огонь пожара?

Она для нас больной кошмар
Иль правда, горестней кошмара.

Весной 1904 года безоглядно влюбленный Николай решился, наконец, на объяснение. Он пригласил Анну в Екатерининский парк, привел к скамье под большим развесистым деревом и, усадив на нее Аню, признался ей в любви. Она ничем не могла его обнадежить, не могла ответить тем же, но влюбленный надеется до последнего. Он сделал ставку на время.

Мысли о смерти часто посещали романтического и декадентствующего юношу, страдающего от неразделенной любви. Собираясь умереть, он подарил Ане золотое кольцо с рубином. Его лирический герой в «Сказке о королях» отдает это кольцо деве, «больной, как сон».

Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взоре сплетались ответ и вопрос,
И я отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

Кольцо с рубином еще не раз всплывет потом в стихах Гумилева.

Коля попросил гимназического приятеля расписать стены его комнаты в виде морского дна. Стены были выкрашены краской цвета морской волны, посреди комнаты был устроен фонтанчик. Среди рыб и прочих морских обитателей на сте-

не был портрет и Ани Горенко в виде русалки. Такой юный поэт видел девушку, такой угадал ее сущность.

Что любопытно, Александр Блок тоже распишет стены своей комнаты подводными обитателями. Но не в семнадцать лет, как Гумилев, а в тридцать два.

«Русалка» – первое стихотворение с посвящением Анне Горенко. Посвящение сохранилось только в рукописи, потому что к выходу сборника «Путь конквистадора» Николай и Анна рассорились не на шутку

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмеля.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,
Умирующий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...

Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

Здесь он сам указывает на их родство.

Немногим позже в стихах юного Гумилева «странник дивный» зовет девушку на высоты, где живут люди, увенчанные огнем. И предлагает стать королевой этих людей, а он, разумеется, будет королем. Но взгляд девушки тих, и сердце спокойно, она не откликается на его призывы.

К этому времени, к началу лета 1904 года, видимо, относится следующий апокрифический рассказ, переданный В. Рождественским со слов его старшей сестры Ольги, учившейся с Аней Горенко. «Аня Горенко праздновала именины. Летний день, подруги-гимназистки. Коля Гумилев преподносит имениннице букет роз.

– Коля! Ну что вы! Зачем? – встречает она его. – Видите сколько букетов! Ваш девятый!

– Тогда извините. Я буду у вас через полчаса.

Является через час. Торт уже съеден, лимонад выпит. День кончается. В руках у него почти такой же букет.

– Коля! Ну что ж это, право!

– Извините, такого у вас нет. Это цветы императрицы!

Оказывается, залез в императорский цветник и исхитрился нарвать там цветов».

Это, конечно, легенда, которую рассказывают с разными вариациями, но легенда совершенно в духе Гумилева. Она

наверняка имеет некую реальную основу и передает сущность рыцарского отношения Коли к юной подруге.

Однако лето 1904 года они оба провели, как обычно, вдалеке от Царского Села. Гумилев – в Березках, Анна – на даче под Одессой, в Лустдорфе. Она тоже пишет стихи, но в них нет и намека на образ «сероглазого мальчика». Одно из сохранившихся стихотворений, «Над черною бездной с тобою я шла», Аня посвящает А. М. Федорову, третьеразрядному поэту, с которым она делила досуг на море.

В конце лета Горенко и Гумилевы вернулись в город.

Бурный 1905-й

Осенью 1904 года Николай познакомился с братом Ани Андреем. Они встретились на концерте в Павловском вокзале. Андрей Андреевич Горенко был незаурядным человеком. Аня дружила с ним больше, чем с другим братом и сестрами. Андрей много читал, был блестяще образован, прекрасно разбирался в классической и современной поэзии. Без сомнения, Гумилеву с ним было интересно. Они подружились настолько, что Николай позже пригласит Андрея Горенко секундантом, когда затеет дуэль с приятелем, гимназистом Куртом Вульффиусом.

В среде одноклассников Гумилев сблизился только с

Дмитрием Коковцевым, который тоже был поэтом и подвергался издевательствам со стороны гимназистов. И если Николай побаивались и только за глаза иронизировали над «заморской штучкой», то Коковцева считали трусом, маменькиным сынком и откровенно измывались, засовывая, например, ему в сумку гнилые яблоки. Однако, в отличие от Гумилева, Коковцев был прилежным учеником и гимназию окончил с серебряной медалью. Писал вполне традиционные стихи.

Гумилев теперь мог с полным правом бывать у Горенко, в гостях у Андрея, конечно. Аня по возрасту еще не могла иметь собственных знакомых и тем более принимать гостей. Отец не отпускал ее во взрослые компании. Старшая сестра Анны Инна Андреевна и ее муж Сергей фон Штейн устраивали по четвергам «журфиксы». На деле это были скромные студенческие вечеринки, на которые собиралась царскосельская литературная молодежь. Читали стихи, пили чай с пряниками, болтали. Когда отца не было дома, Инна Эразмовна отпускала Аню к сестре до двенадцати. Здесь она, конечно, встречалась с Гумилевым.

Сергей фон Штейн, познакомившись с Гумилевым, отметил, что тот производит впечатление ребенка из хорошего дома: всегда чисто и аккуратно одетый, причесанный на пробор благовоспитанный юноша. Фон Штейн свидетельствовал потом в воспоминаниях: «Характерная черта, сближающая и Анну Ахматову, и Гумилева, – литературное развитие их

совершалось с исключительной быстротой».

У Штейнов среди прочих Анна выделила студента Владимира Голенищева-Кутузова. Выпускник Николаевской царскосельской гимназии, он учился в Петербургском университете на факультете восточных языков. Студент не заинтересовался Аней, он был старше ее на десять лет, а она влюбилась. Безответно, тайно. Что такое мальчик Коля Гумилев рядом с загадочным, неприступным, холодным взрослым студентом? К счастью, Гумилев не знал о тайной влюбленности Ани.

Зимой 1905 года сын Иннокентия Анненского, директора той самой Николаевской гимназии, где учился Гумилев, Валентин Кривич (это его поэтический псевдоним) женился на сестре Сергея фон Штейна Наташе. В их доме тоже стали собираться, только по понедельникам. По сути те же студенческие вечеринки, только параднее, как рассказывала Анна Андреевна Лукницкому: «Там лакей в белых перчатках подавал».

Аня рвалась туда, и мама по секрету отпускала ее, если дома не было отца. Царскосельская публика была еще весьма далека от новой поэзии. Гумилев, Андрей Горенко, Кокорцев читали журнал «Весы», издаваемый В. Брюсовым в Москве, и все, что печаталось издательством «Скорпион». Бальмонт, Брюсов были все время на устах у Гумилева и его товарищей. Аня тоже была прекрасно знакома с поэзией символистов. Николай покупал почти все издания «Скорпи-

она» и, конечно, выписывал журнал «Весы». Дома ему всегда шли навстречу и давали деньги.

По воскресеньям собирались у Коковцевых, родителей Дмитрия. Однако здесь не признавали декадентства, и Гумилев не раз был издевательски руган за прочитанные стихи. С подростковой самоуверенностью он шокировал добропорядочных царскосёлов откровениями из Ницше или Уайльда. Приверженцы классики да и просто взрослые люди видели вызов во всем, что говорил и читал Гумилев. Анна не бывала у Коковцевых, а вот ее брат Андрей бывал.

События революции 1905 года внешне мало отразились на царскоселах. Гимназисты, конечно, бунтовали, устраивали шествия. Подписали резолюцию с требованием реформы учебных заведений. Школяры Николаевской гимназии заперли в классе учительницу французского языка, хорошенькую блондинку. На уроках взрывали электрические лампочки, которые специально для этого приносили из дома. Бузили, в общем, до поры до времени. А Анна Андреевна вспоминала потом, как дрожали руки у студента-репетитора Селиверстова, когда он рассказывал о 9 января, о Кровавом воскресенье. Она воспринимала все остро.

Однако жизнь в провинциальном Царском Селе шла своим чередом.

Весной 1905 года шухардинский дом был продан наследниками, и Горенко переехали на новую квартиру – большую, барскую на Бульварной улице. Обстановка в семье не улуч-

шилась, а, напротив, ухудшилась. Ссоры, упреки, постоянный хаос, чувство приближающейся катастрофы. Сестра Инна, в замужестве фон Штейн, была смертельно больна. Наследственный туберкулез. В апреле она с мужем уехала в Евпаторию к родственникам.

Аня не могла не страдать из-за этого. И Гумилев со своими попытками вырвать признание в любви только досаждал. Кажется, была еще тайна, тайный роман или увлечение. Возможно, просто безответственный флирт. Здесь, видимо, замешан Курт Вульфиус, приятель Гумилева, постоянный партнер по винту, их общий знакомый. Обстановка накалялась, и на Пасху, 17 апреля, произошел взрыв.

Самый мощный рычаг любви – ревность. Гумилев, очевидно, решил расставить все точки над «i», имея повод что-то подозревать. Анна вновь не захотела его слушать.

На следующий же день, 18 апреля, Гумилев вызывает Курта Вульфиуса на дуэль. Формальным поводом послужила ссора во время игры в гусарский винт. Приятели повздорили и решили драться на шпагах. За неимением дуэльных шпаг решили воспользоваться учебными рапирами. Рапиры были снабжены предохранительными металлическими пластинками на концах, поэтому приятели-соперники, не задумываясь, вышли на улицу и стали стачивать о камни эти пластины. Дуэль назначили в лесу, недалеко от Царского Села, в дачном месте. Туда следовало добираться на поезде. Дуэлянты отправились на станцию. За пять минут до отхода поезда на

станцию прибежал брат Гумилева Дмитрий и крикнул:

– Директор требует вас обоих немедленно к себе!

Потом выяснилось, что один из секундантов (но не Андрей Горенко, конечно) доложил гимназическому начальству о готовящейся дуэли и предупредил Дмитрия, чтобы таким образом задержать дуэлянтов. Дуэль не состоялась.

Отчаявшийся Гумилев решил покончить с собой. Тогда-то он и подарил Ане рубиновое кольцо. Много лет спустя А. Хейт, биограф и автор книги об Ахматовой, записала за ней: «На Пасху Гумилев, в отчаянии от ее (А. А.) нежелания всерьез отнестись к его чувству, пытался покончить с собою. Потрясенная и напуганная этим, она рассорилась с ним, и они перестали встречаться». А в «Записные книжки» Ахматова занесла: «На Пасху 1905 – первая угроза самоубийства. Тревога Инны Эразмовны. (Андрей.) Первый разрыв».

Однако вряд ли от отказа пятнадцатилетней Ани серьезно отнестись к его чувству Гумилев мог решиться на такой страшный шаг. Было сильное потрясение. А дуэль? Сразу за ссорой с Аней? Совершенно очевидно, что эти события связаны между собой. Возможно, речь шла вовсе не о самоубийстве, а как раз о дуэли, риске быть убитым. В любом случае отношения их разладились. Они больше не встречаются. Не гуляют вместе, не общаются. Были, скорее всего, встречи в знакомых домах, но вчерашние друзья не разговаривали, не подходили друг к другу.

Именно тогда влюбленность Ани в Голенищева-Кутузо-

ва приобрела постоянный характер и углубилась. Она определенно переживала внутреннее одиночество. Дома было тревожно, неуютно. Николай, ставший другом, привычным, необходимым, теперь чужой: он обижен и непреклонен (а он бывал непреклонен именно в вопросах чести!). До самого отъезда на летний отдых он так и не примирился с Аней.

Была бы обида столь сильна, не надейся Коля на взаимность? Очевидно, у него была надежда вполне обоснованная, потому так болезненно он переживает «измену».

Возможно, Аня и не пыталась отталкивать юношу и с удовольствием принимала его ухаживания? И была влюблена, да. А теперь ее сердце занято безответной любовью, как и положено inferнальной барышне. Но в ней жила и «приморская девчонка», которая с удовольствием лазала по царскосельским гротам и башням, фантазировала вместе с интересным юношей и называла вслед за ним обычные кувшинки на пруду таинственным словом «ненюфары».

Гумилев позже вспоминал с ностальгией этот лирический царскосельский период в стихах, обращенных к ней, невесте:

Ты помнишь дворец великанов,
В бассейне серебряных рыб,
Аллеи высоких платанов
И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы

И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы?

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз?

Здесь дворец великанов – это просто башня-руина у Орловских ворот, золотистый конь – вставший на дыбы рыжий скакун кирасира, осадившего его. За ним наблюдали Коля и Аня с этих камней. А «у облачных впадин» – это в искусственных руинах Турецкой башни, где у них проходили свидания. Об этом времени будет грустить Гумилев, называя его временем, «когда мы любили, / Когда мы умели летать».

Вот что они оба теряли, расставаясь надолго.

Коля с семьей уехал в Березки. Горенко летом 1905 года остались в Царском Селе. Назревал окончательный разрыв между Андреем Антоновичем и Инной Эразмовной. Поводом послужила отставка Андрея Антоновича, которая последовала после ссоры А. А. Горенко с великим князем. Содержать в прежних условиях большую семью на одну пенсию он был не в состоянии. Пришлось искать место. В начале августа он отправил Инну Эразмовну с четырьмя младшими детьми и бонной Моникой на юг, в Евпаторию. На этот раз под угрозой оказалось здоровье Андрея, его нужно было спасти.

Сам же Андрей Антонович остался в Петербурге и вскоре связал свою жизнь с Е. И. Страннолюбской, с которой давно был близок. С этой женщиной отец Ахматовой прожил в гражданском браке до конца своих дней.

Николай и Анна впервые расстались на долгий срок. И расстались врагами.

Учитель

Гумилев вернулся в Царское Село и осенью приступил к занятиям в последнем классе гимназии. Он готовит к выходу свой первый поэтический сборник. Анны в городе нет, она на юге, однако Николай все знает о ее жизни. Он переписывается с Андреем.

В Николаевской гимназии по-прежнему нехорошо после февральских событий. Требовалось призвать к порядку учащихся и педагогов. Готовится отставка директора И. Ф. Анненского, однако пока тот исполняет свой долг.

Это был удивительный директор! Специалист по классическим языкам, преподаватель греческого, он переводил Еврипида и тайно писал стихи. Однако только в 1904 году, в возрасте сорока девяти лет, он выпустит первый сборник стихов «Тихие песни» и подпишет псевдонимом Ник. Т. о. Никто. Не сделается знаменитым, популярным властите-

лем дум, но эти стихи уйдут в вечность. А для Гумилева Анненский станет не только директором, преподавателем греческого, но, прежде всего, Учителем с большой буквы. Интеллектуальная, психологически тонкая, эмоциональная поэзия Анненского потрясла его юного ученика. Это была подлинная поэзия. Позже, когда посмертно выйдет «Кипарисовый ларец» Анненского, Гумилев назовет его великим европейским поэтом.

Вероятно, не раз директор спасал двоечника Гумилева от отчисления. Когда на педагогическом совете заговаривали об этом, Анненский приводил единственный убедительный для него довод:

– Все так, господа, но мальчик пишет стихи!

И Гумилева оставляли в гимназии.

Благодарный ученик, выйдя из стен гимназии, не забудет своего учителя. Он посвятит ему стихи, назовет «последним из царскосельских лебедей», поставив поэта в один ряд с Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Дельвигом, которые когда-то жили здесь, гуляли в этих парках. А позже, став редактором знаменитого журнала «Аполлон», привлечет любимого учителя к сотрудничеству, выведя его из неизвестности.

А пока в октябре 1905 года вышла первая книга стихов Гумилева «Путь конквистадоров». Конечно, деньги на сборник дали родители. В отличие от учителя, Гумилев поспешил. Когда-то предусмотрительный старший брат сказал юноше Анненскому:

– До тридцати лет не надо печататься.

И тот избежал искуса пьянящего успеха, упоения стихами, пусть даже ученическими, незрелыми, которые скоро забудутся. А вот Гумилев не избежал. И потом не мог простить себе этого неосмотрительного шага. Впрочем, ему нужно было заявить о себе, ему уже скоро двадцать.

Сборник вышел, и Гумилев с трепетом преподносит его любимому учителю с дарственной надписью в стихах:

Тому, кто был влюблен, как Иксион,
Не в наши радости земные, а в другие,
Кто создал Тихих Песен нежный сон,
Творцу Лаодамии.

Позже Иннокентий Федорович отдарится книгой критических статей с надписью:

Меж нами сумрак жизни длинной,
Но этот сумрак не корю,
И мой закат холодно-дынный
С отрадой смотрит на зарю.

Можно было бы не касаться этих подробностей, если бы не имя Анненского, которое объединило вновь Гумилева и Ахматову. В каком смысле? Для будущего поэта Ахматовой это имя тоже станет важнейшим. Анна Андреевна так же, как и Гумилев, воспринимала Анненского прежде всего как

большого поэта и Учителя.

Ей очень хотелось быть им отмеченной. Много позже она будет рассказывать следующий эпизод. Когда И. Ф. Анненскому (в 1904 году) сказали, что его родственник Сергей фон Штейн женится на старшей сестре Ани Горенко Инне, он заметил:

– Я бы женился на младшей.

И еще она признается потом, что, когда в 1910 году прочитала корректуру «Кипарисового ларца», что-то поняла в поэзии. Анненский для всех акмеистов станет главным авторитетом, неким ориентиром. А в 1945 году Анна Андреевна напишет стихотворение «Учитель», посвященное Анненскому.

В ноябре 1905 года Анненский вынужден был оставить место директора Николаевской гимназии. Его назначили на почетное место инспектора Санкт-Петербургского учебного округа.

«Путь конквистадоров» Гумилева содержит отголоски прочитанной книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», пропитан символизмом Брюсова и Бальмонта. Его населяют гномы, короли, русалки, тролли. Фэнтезийный мир разбавляют герои скандинавских мифов и саг. Сам «конквистадор», юный герой сборника, ведет неутомимую борьбу за свет и красоту, он готов к жертве во имя добра, но отчаянно одинок. Интонации стихов к финалу все трагичнее: «святой рыцарь добра» будет осмеян духами темных башен.

Юный поэт не смог завоевать любовь «печальной бледной девы». Пока что они не находят пути друг к другу. Перекликаются с лермонтовскими строками «Но в мире новом друг друга они не узнали» гумилевские строчки:

Друг друга они не узнали
И мимо спокойно прошли.

Пожалуй, нигде больше в своих стихах Гумилев не будет столь откровенен. Позже он научится прятать подлинное лицо под масками любимых героев: рыцарей, конквистадоров, царей, капитанов, Адама, Синдбада, Одиссея, Дон Жуана. Исповедальность уйдет, поэт обратится к балладной сюжетности. Много позже он будет советовать ученикам, дабы избежать излишней неврастеничности в стихах, писать баллады. Отстраненное повествование дает возможность поэту скрыть авторскую позицию, установить дистанцию с читателем.

Отчего же вскоре Гумилев отречется от своего первенца и поведет отсчет от следующего сборника «Романтические цветы»? Только ли несовершенство стихов тому причина? Ведь многие стихи в переработанном виде попадут в «Романтические цветы». Высокая требовательность к себе была присуща поэту всегда, но отказаться так скоро от того, чем гордился совсем недавно! Возможно, Гумилев действительно был осмеян или же не получил ожидаемого ответа. Может

быть, было осмеяно не ученичество юного поэта, а чистота, кристальность его души, удивительная цельность натуры. Для Серебряного века это кажется устарелым, ведь нынче в моде порок. И он научится скрываться.

Но поначалу Гумилев ликует и раздаривает тоненькие книжечки сборника «Путь конквистадора» друзьям и знакомым. Симпатичной барышне Вере Аренс, горничной Зине, влюбленной в хозяйского сына, Сергею фон Штейну и многим другим. Для этого из трехсот экземпляров он только половину отдал в лавку Гостиного Двора в Царском Селе, остальное оставил на подарки. Послал одну из книжечек и мэтру символизма Брюсову с надеждой на поддержку. Брюсов ответил целой рецензией, у него даже нашлось для юного поэта несколько ободряющих слов. Вскоре между ними завяжется переписка.

А вот Anne, несмотря на то что многие стихи посвящены ей, Гумилев свой первый сборник не послал. Он все еще не простил обиды. Но сделал хитро: послал сборник Андрею Горенко, будучи уверен, что Аня стихи обязательно прочтет. Это была победа, ради которой, возможно, все и затевалось. Победа, ради которой Гумилев поспешил с изданием книги.

Одиночество

Между тем Аня с матерью живет в Евпатории и тоскует по Царскому Селу, по оставленным там. Она проходит дома курс предпоследнего, седьмого класса гимназии, пишет множество беспомощных стихов.

Она никогда не занималась рукоделием, не шила, предпочитая всем женским делам зимой коньки, а летом плавание и велосипед, и всегда – книги. Что было ей делать в глуши, в провинции, долгими зимними вечерами? Бродила у моря, читала, писала стихи. Кокетничала с домашним учителем и поэтом Федоровым, увлеченным шестнадцатилетней русалкой.

Весной 1906 года Аня с тетужкой поехала в Киев, чтобы держать экзамен в гимназию. Там жили родственники Инны Эразмовны, ее сестра с мужем. Так Анна покинула родной дом, которого уже, по сути, и не было. Она поселилась в доме тетки Анны Эразмовны Вакар. В мае сдавала экзамены за седьмой класс в Фундуклеевскую гимназию. Поступила в восьмой, последний класс.

В это время Гумилев сдавал выпускные экзамены. Готовиться к ним начал за несколько дней до первого экзамена, но тем не менее сдал и получил аттестат зрелости.

В апреле Гумилеву исполнилось двадцать лет. Он уже автор целого сборника стихов и публикаций в любимом жур-

нале «Весы». В альманахе «Северная речь» напечатаны его стихи наряду с произведением И. Ф. Анненского «Лаодамия». Отдохнув немного в имении, в конце июня 1906 года он отправился учиться в Сорбонну. В Париж!

Аня провела июнь в Люстдорфе под Одессой у сестры отца, затем вернулась к матери в Евпаторию. 15 июля умерла от чахотки ее сестра Инна. Это лето для Ани было трагичным. Лето потерь, искушений и борьбы с одиночеством. Страстная натура вступала в конфликт с благопристойностью, с общепринятым. Да и внутренняя борьба, очевидно, была нешуточная. Своевольная девица курила, кокетничала, дерзила, интересничала, но жестоко страдала от одиночества и тоски, от неразделенности, от невозможности хоть кому-то открыться, от своей полувывдуманной идеальной любви к Голенищеву-Кутузову. Со зла говорила, что никого не любит, делала себе больно, чтобы было хуже.

Летом в Евпатории она предприняла попытку самоубийства. Хотела повеситься, но гвоздь выскочил из известковой стены. Инна Эразмовна плакала, Ане было стыдно и скверно. Она делала ошибку за ошибкой и болезненно переживала каждую. Возможно, именно тогда она пошла на близость с мужчиной, не принесшей ей ни радости, ни удовлетворения, а только страшное разочарование, от которого хотелось умереть?

Исследователь Ю. Зобнин в своей книге об Ахматовой предлагает свою увлекательную и довольно убедительную

версию отношений Анны Андреевны с Голенищевым-Кутузовым. Все случилось, по его мнению, еще в Царском Селе, а в Евпатории его героиня расплачивалась за свою раннюю страсть. Однако это тоже всего лишь версия, построенная на догадках.

Внутренние страдания сказывались на ее физическом состоянии. Обмороки, сердечные боли. Надо отдать ей должное, она все-таки боролась с ведьмой в себе. И если немного преувеличивала свое нездоровье и даже симулировала, то это не значит, что обманывала. В действительности ее тонкая душевная организация с трудом выдерживала потрясения.

Вернувшись по осени в Киев, Анна поселилась у кузины Марии Александровны Змунчилла, которая станет позже женой ее брата Андрея. От одиночества и тоски по Царскому Селу она стала писать письма мужу покойной сестры Инны Сергею фон Штейну. Она просит его прислать фотокарточку Володи Голенищева-Кутузова. Анна живет прошлым, с августа мечтает поехать на Рождество к подруге Вале в Царское Село, но Андрей утверждает, что ехать невыносимо. Денег нет, отец не захочет этого, однако Анна готова рискнуть в случае, если Голенищев-Кутузов будет в Царском Селе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.